

Б. Х. Кармышева. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976, 323 стр., 16 рис.

Исследование этнических процессов, как протекавших в прошлом, так и происходящих в наши дни, давно составляет одно из основных направлений советской этнографической науки. Советскими учеными уже создана серия работ, освещающих различные аспекты этой проблематики. Новая книга Б. Х. Кармышевой, органично примыкая к циклу изданных трудов, выделяется среди других книг, ибо в ней с особой полнотой и последовательностью применен комплексный подход, столь необходимый в исследовании этнических процессов.

Интерес автора к выбранному району исследования оправдан хотя бы тем, что этнический состав населения этой части Средней Азии до сих пор по существу не был изучен. В связи с этим следует подчеркнуть огромный вклад автора в создание фактической основы исследования. Книга написана на базе этнографических сведений, собранных Б. Х. Кармышевой в ходе многолетних полевых работ. Один только изложенный в ней фактический материал, собрать который под силу лишь опытному полевому этнографу, в совершенстве знающему местные языки, представляет собой несомненную научную ценность. Вместе с тем исследование Б. Х. Кармышевой не просто заполняет еще одно белое пятно этнографии Средней Азии. Особенности южных районов Таджикистана и Узбекистана — смешанное население при мозаичности расселения отдельных групп, своеобразие природных условий, созданное чересполосицей степей и оазисов, — позволили автору выстроить сложную картину совместной жизни разных этнических групп, в течение многих веков оказывавших влияние друг на друга. В этих районах население формировалось под воздействием постоянного притока кочевых и полукочевых племен, которые неизбежно вступали в разного рода контакты с оседлыми жителями края, как сохранявшими таджикский язык, так и воспринявшими различные диалекты узбекского языка. Таким образом, в центре наблюдений автора — история взаимоотношений двух важнейших этнических сред — ираноязычной и тюркоязычной. Нет нужды разяснять, что именно эти проблемы, предусматривающие изучение численности разных групп населения, экономических, культурных и межэтнических связей, а также процессов ассимиляции, являются ключевыми для выяснения важнейших вопросов этнической истории узбеков и таджиков.

Уникальные полевые материалы, лежащие в основе книги, дополнены сводом данных, извлеченных из самых разнообразных источников — письменных, археологических, лингвистических, антропологических. Автор широко привлекает и этнографические сведения, собранные другими исследователями Средней Азии. Во введении дается полный и содержательный обзор работ, посвященных этнической истории южных групп таджиков и узбеков, а также сочинений, из которых можно почерпнуть материалы, имеющие отношение к теме. Такого рода обзор является самостоятельным историографическим исследованием.

В книге широко использованы все доступные материалы, и все же основным источником для Б. Х. Кармышевой служит этнографический материал. Это отразилось и на структуре работы. Б. Х. Кармышева начинает свою книгу с периода, который может быть наиболее полно охарактеризован при помощи этнографических данных. Первая глава называется «Этнический состав населения и расселение отдельных его групп в конце XIX — начале XX в.». Лишь во второй главе излагается история формирования населения региона. Такая композиция книги объясняется стремлением автора по возможности освободиться от известной доли неопределенности, которая обычно присутствует во всех историко-этнографических работах, посвященных реконструкции событий далекого прошлого, ибо в этих случаях исследователь всегда имеет в своем распоряжении недостаточно полный и достоверный материал. Автор начинает первую главу с определения границ восточных бекств Бухарского ханства, так как до сих пор они были неясны. Итогом изучения разнообразных данных явилась карта, которая дает представление о границах восточных бекств в конце XIX — начале XX в. (стр. 34, 35). Автор установила также численность и этническую принадлежность населения отдельных местностей в первые десятилетия XX в. Общая численность и данные о плотности населения в отдельных районах сопоставлены с ландшафтными зонами и преобладающими типами хозяйства.

Первая глава, посвященная реконструкции этнического состава, отличается исключительной детализацией сведений о расселении разных этнических групп. Трудно указать на другую работу по данной проблеме, в которой материал был бы изложен столь подробно и обстоятельно. В результате составлена еще одна оригинальная карта, показывающая этнический состав края в конце XIX — начале XX в. (стр. 42, 43), необходимая для уяснения специфики протекавших здесь этнических процессов. Кропотливо собранные и проанализированные сведения позволили автору в итоге воссоздать столь конкретную картину размещения отдельных групп, что на карте удалось показать даже локализацию ранних и поздних узбекских племен (стр. 74, 75, 88, 89). Располагая этими данными, мы гораздо полнее можем представить себе процесс ранней дифференциации узбекского и таджикского народов и этапы их позднейшей консолидации. Б. Х. Кармышева выяснила также специфику расселения арабов, цыган, иранцев, индусов, афганцев, о присутствии которых на бывшей территории восточных бекств Бухарского

ханства раньше имела лишь разрозненная информация. Теперь же известно, какие кишлаки в каждом бекстве они населяли. Важное значение имеет и заключение автора о том, что в городах Бухарского ханства таджики и узбеки были представлены примерно поровну. Это объясняет ситуацию, в которой часть городских узбеков переходила на таджикский язык, сохраняя свое самосознание.

Излагая данные о расселении отдельных этнических групп, Б. Х. Кармышева дает краткую характеристику внутренней структуры так называемых племен, сохранивших традиционное членение на различные подразделения и ветви. Для исследователей социальной организации кочевых и полукочевых обществ немаловажны наблюдения Б. Х. Кармышевой о характере родо-племенной (она предпочитает термин «генеалогической») структуры поздних племен. Так, рассматривая иерархию подразделений племени конграт, Б. Х. Кармышева приходит к выводу, что генеалогическая структура «была весьма подвижной, особенно в ее низших звеньях» (стр. 94).

Вторая глава, посвященная истории формирования этнического состава, представляет собой основную и наиболее интересную часть книги. Автор показывает, что традиционные языковые и культурные характеристики коренных народов далеко не во всех случаях восходят к давним временам. Неразрывность исторических судеб узбеков и таджиков вела в течение веков к тесному сближению обеих этнических сред. По мере оседания тюрков в культурных оазисах это сближение перерастало в слияние тюркоязычного и ираноязычного населения. В зависимости от численности и политической роли указанных двух компонентов в том или ином районе побеждал язык аборигенного населения или тюркский», — пишет Б. Х. Кармышева (стр. 162). Процесс интенсивного взаимовлияния и поглощения инородных по происхождению групп прослеживается автором при рассмотрении всех этнических групп, отмеченных в регионе. Так, часть узбеков-тюрк, вобравших в себя и другие узбекские племена, и таджикские группы, перешла на таджикскую речь.

Сложность этнической истории края особенно отчетливо видна на примере группы чагатай, часть которой причисляет себя к таджикам, а часть — к узбекам. Сам этноним, возникший как наименование государственно-административной общности, уже в ранний период охватывал разные племена узбеков, а позднее распространялся и на таджикское население бывшего Чагатаева улуса. Узбеки-чагатай перешли к оседлости и в значительной степени восприняли местные культурные традиции. Б. Х. Кармышева убедительно показывает, что даже в тех случаях, когда местные предания связывают отдельные группы чагатай с кочевыми тюркскими племенами, в действительности оседлый ираноязычный субстрат, как правило, является преобладающим.

Рассматривая происхождение отдельных узбекских племен, автор вскрывает и процесс глубокого этнического взаимопроникновения не только таджиков и узбеков, но и других народов Средней Азии, в частности процесс узбекизации различных групп, принадлежащих к другим тюркоязычным народам. Таким, в частности, представляется происхождение группы туркмен-джуз, которых Б. Х. Кармышева считает возможным генетически увязать с узбеками-туркман Нуратинских гор. Что касается туркман Нураты, Б. Х. Кармышева аргументированно выступает против высказанной в литературе крайней точки зрения об отсутствии преемственности между туркманами и предками нынешних туркмен. В доказательство она ссылается на результаты проведенного В. Г. Мошковой сравнительного изучения туркман Нураты и закаспийских туркмен, а также на антропологическое исследование В. Я. Зезенковой, обнаружившей сходство морфологических особенностей нуратинской группы с закаспийскими туркманами. Отрицание связей узбеков-туркман с туркманами аргументируется преимущественно диалектологическим материалом (особенности говоров туркман Нураты соответствуют особенностям языка других узбеков даштикипчакского происхождения, а огузские элементы в них почти отсутствуют). Однако убедительные указания на связь с туркманами обнаруживаются и в диалектологических данных. Один из авторов рецензии (В. Н. Басилов) работал вместе с Б. Х. Кармышевой в Нуратинском районе в 1976 г.; материалы этого сезона уже не могли войти в книгу, между тем они подкрепляют позицию Б. Х. Кармышевой. Например, один из информаторов при перечислении своих предков имя одного из них, включающее слово «пришел» (кеджи), произносил по-туркменски (гелди), хотя во всех других случаях и при назывании современных имен это слово говорилось по-узбекски.

Большой интерес представляет раздел, посвященный группам ходжа и сейид, которые автор классифицирует как сословно-этнические (стр. 123) или «не этнические, а скорее сословные группы» (стр. 148). Эти группы известны и другим народам Средней Азии; в литературе долго господствовало мнение, что они являются потомками арабов, и лишь сравнительно недавно эта гипотеза была подвергнута критике¹. Исследование своеобразных привилегированных сословий ходжа и сейид до сих пор затруднено скудостью фактического материала, и появление новых сведений весьма своевременно. Ходжи и сейид, как свидетельствует автор, были широко расселены среди таджиков и узбеков, причем в одних случаях они фактически являлись частью таджикского, в других — узбекского народа.

Прослеживая историю отдельных групп населения, Б. Х. Кармышева освещает сам механизм этнических процессов, показывая, какими конкретными путями осуще-

¹ Подробнее см.: С. М. Демидов. Туркменские овлады. Ашхабад, 1976.

ствлялись контакты тюркоязычных скотоводов с оседлыми земледельцами. В книге ясно вскрыта роль географического фактора, обуславливающего экономические взаимосвязи,— чередование оазисов и степных пространств в среднеазиатском междуречье. Автор рассматривает брачные связи между представителями разных народов и локальных (племенных) групп, раскрывая, таким образом, сам механизм процессов консолидации и ассимиляции. Очень интересен в этом плане, например, установленный Б. Х. Кармышевой факт, что ранние группы узбеков (тюрк и др.) были гораздо теснее связаны с таджиками, чем с появившимися в крае позднее дештикипчакскими узбеками.

Содержание и значение книги Б. Х. Кармышевой гораздо шире, чем проблема, сформулированная в заглавии. В Восточной Бухаре в конце XIX — начале XX в. в силу ее общей экономической отсталости этнические консолидационные процессы проходили не столь быстро, как в других районах древнего смежного проживания тюркоязычного и ираноязычного населения. Поэтому помимо массивов сложившегося таджикского и узбекского населения здесь сохранились многочисленные этнографические группы обитателей — и тюркоязычные, и таджикоязычные, и двуязычные. В связи с этим проанализированный Б. Х. Кармышевой материал позволяет понять типичные черты многовекового процесса формирования узбекской и таджикской народностей, этногенез которых проходил на сопредельных территориях и был обусловлен глубокими этнокультурными взаимосвязями. Хорошо известно, что взаимоотношения «Ирана и Турана» определяли процесс формирования этнических особенностей и других народов Средней Азии. Работами А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, Б. Г. Гафурова в советской науке уже создана прочная теоретическая база для изучения этнической истории среднеазиатских народов как единого процесса, протекавшего в активном смешении ираноязычного и тюркоязычного населения. Исследование Б. Х. Кармышевой значительно продвинуло разработку данной концепции на основе нового, не привлекавшегося прежде к анализу материала.

В работе Б. Х. Кармышевой дается конкретное освещение и такой важной проблемы, как взаимодействие оседлого и кочевого населения, которое обусловило специфику исторических судеб всей Средней Азии в целом. Детально раскрывая разнообразные связи кочевого и полукочевого населения с оседлым, автор вносит значительный вклад в разработку проблемы номунизма.

Книга Б. Х. Кармышевой — исследование, в котором суммирован лучший опыт методики изучения проблем этнической истории, накопленный в нашей науке. Мы уже говорили о широком комплексном подходе автора к использованию источников. Автор стремится к синтезу самых разнообразных сведений, способных пролить свет на исторический процесс. Насколько далеко выходит Б. Х. Кармышева за пределы привычного для этнографов и историков круга данных, показывает ее обращение к зоотехнической литературе².

Собственно этнографические материалы также используются Б. Х. Кармышевой во всем комплексе. Она судит о происхождении той или иной группы, анализируя не только предания и этнонимы, но и особенности традиционной культуры. Однако главное достоинство книги в том, что в отличие от многих авторов Б. Х. Кармышева избрала объектом изучения не отдельный народ или его этнографические группы, а все население края. Книга демонстрирует, таким образом, отход от изолированного, выборочного изучения в многонациональном районе этнических групп лишь одного какого-либо этноса. Такая ориентация исследования дала возможность Б. Х. Кармышевой показать различные этнические группы во взаимодействии, выявить давние этнические связи таджиков с узбеками и другими народами.

В заключение остается сказать, что в ряде мест возможны небольшие дополнения или уточнения. В частности, термин «тат» (стр. 147) использовался и туркменами западных районов, называвшими так население приамударьинских районов Туркменистана; не все туркменские шихи возводили свою родословную к Абу-Бекру (стр. 118). В книге нет четко сформулированного ответа на поставленный самим автором вопрос, почему в конце XIX — начале XX в. таджики жили преимущественно в горах (стр. 11). Лишь из отдельных разделов текста (стр. 126—148, 159, 160 и др.) читатель понимает, что Б. Х. Кармышева придерживается общепризнанного в советской науке взгляда: расселение таджиков преимущественно в горных районах было следствием не оттеснения их кочевниками из оазисов, а постепенного слияния их с тюркоязычным населением, особенно интенсивно оседавшим в оазисах. Однако эти частные замечания не могут сказаться на высокой оценке серьезной и превосходно выполненной работы.

Б. Х. Кармышева всюду, где требуется, использует этнографические сведения, свидетельствующие о культурном своеобразии отдельных групп. Систематического обзора этих особенностей в книге нет, поскольку такая задача перед автором не стояла, да и объем книги был бы чрезмерно увеличен. В то же время ясно, что Б. Х. Кар-

² Г. Г. Хитенков. Локайская лошадь.— «Конские породы Средней Азии». М., 1937. В другой работе того же автора (Локайская лошадь.— «Конские породы СССР». М., 1939) опубликованы более полные данные об особенностях локайской породы, свидетельствующие об ее генетической связи с казахскими лошадьми, что косвенно подтверждает защищаемую Б. Х. Кармышевой гипотезу дашкипчакского происхождения локайцев.

мышева обладает богатым материалом, позволяющим создать детальную этнографическую характеристику рассмотренных групп. Выразим надежду, что она сделает это в одном из своих последующих исследований.

В. П. Алексеев, В. Н. Басилов

Н. О. Турсунов. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. (Историко-этнографические очерки). Душанбе, 1976, 302 с.

Важной характерной чертой советской этнографической школы является формирование и развитие этнографической науки в союзных и автономных республиках, появление новых этнографических научных центров, в которых плодотворно работают подготовленные за годы Советской власти национальные кадры. Одним из таких центров стал Советский Таджикистан, где наряду с этнографами старшего поколения А. К. Писарчик, Н. Н. Ершовым успешно работают представители среднего и молодого поколения М. А. Хамиджанова, З. А. Широкова, Л. Бахтоваршоева, А. Давыдов, И. Мухиддинов и др., опубликовавшие ряд значительных работ по этнографии таджиков¹.

Автор рецензируемой монографии ленинабадский ученый Н. О. Турсунов под руководством О. А. Сухаревой ведет свыше 10 лет историко-этнографическое изучение Северного Таджикистана. Его монография по истории городского ремесла Северного Таджикистана получила положительную оценку в советской научной печати².

В своих работах, в том числе в рецензируемой монографии, посвященной проблемам сложения и путей развития городского и сельского населения Северного Таджикистана в XIX — начале XX в. Н. О. Турсунов опирается прежде всего на достижения русских и советских исследователей. Как известно, русские востоковеды, начиная с XVIII в., занимались Таджикистаном и внесли несомненный вклад в его этнографическое исследование. Имеется довольно обширная литература, в которой затрагиваются проблемы этнографии таджиков. И к слову сказать, некоторые работы не утратили своего научного значения до сих пор. Однако можно согласиться с автором, что хотя в дореволюционной литературе содержится ценный фактический материал, ей был присущ ряд общих недостатков, в первую очередь методологического характера. Дореволюционная историко-этнографическая литература по Северному Таджикистану в целом носила описательный статистико-обзорный, нередко компилятивный характер. Зачастую, как отмечает Н. О. Турсунов, эти работы написаны по данным случайных наблюдений авторов, не являвшихся специалистами, и не носят исследовательский характер. Подлинно научное изучение таджикских городов и селений началось только в послереволюционный период. Здесь в первую очередь должны быть названы работы М. С. Андреева, А. А. Семенова, М. Е. Массона, З. Ш. Раджабова, А. Е. Маджи. Особо следует выделить исследования этнографов О. А. Сухаревой, А. К. Писарчик, Е. М. Пещеревой, А. Л. Троицкой, Н. Н. Ершова, Н. А. Кислякова, а также историков Средней Азии Б. Г. Гафурова, Н. Н. Негматова, М. Бабаханова и др.; археологов А. М. Беленицкого, В. М. Массона, О. Г. Большакова и др.³.

Книга Н. О. Турсунова весьма удачно продолжает проводившиеся в этом направлении исследования и вместе с тем подводит итог изучению городов, процессов сложения и путей развития городского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX в. Весьма богата источниковедческая база монографии. Автор вводит в науку новый уникальный материал, собранный им за 10 лет в городах и селениях Северного Таджикистана и населенной таджиками узбекской части Ферганской долины.

Н. О. Турсунов провел весьма плодотворную работу по уточнению понятий, которыми он оперирует: город, городок, торговое селение, ремесленное поселение, загородный квартал (стр. 22—24). Это дало возможность более четко классифицировать материал.

¹ См. например, новые работы: М. А. Хамиджанова. Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошаемые земли. Душанбе, 1974 (рецензия Ф. Д. Люшкевич на эту книгу помещена в журн. «Сов. этнография», 1976, № 6); И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. Историко-этнографический очерк. М., 1975; З. А. Широкова. Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976.

² Н. О. Турсунов. Из истории городского ремесла Северного Таджикистана (ткацкие промыслы Ходжента и его пригородов в конце XIX — начале XX в.). Душанбе, 1974 (рецензию Е. М. Пещеревой и Р. Р. Рахимова на эту книгу см. «Сов. этнография», 1976, № 4).

³ Подробно см. библиографический очерк в рецензируемой книге (с. 6—25).